

СОВРЕМЕННИК ИЗ ПРОШЛОГО

В прошлом концертном сезоне Геннадий Николаевич Рождественский и оркестр, которым он руководит, проделали поистине огромную и интересную работу — был исполнен цикл концертов «Антон Брукнер и его время», включающий 44 произведения 22 композиторов. Звучала музыка Малера и Вагнера, Рихарда Штрауса и Мендельсона Шумана и Брамса... И, конечно, Брукнера — почти все одиннадцать его симфоний были представлены в оригинальных редакциях, соответствующих рукописным партитурам, созданным автором. Многие сочинения, вошедшие в цикл, исполнялись у нас в стране впервые.

Предлагаем читателям рассказ Г. Г. Рождественского о великом венском симфонисте.

В представлении многих из нас смена эпох, смена поколений осуществляется последовательно: одна эпоха кончается, другая начинается, одно поколение умирает, другое рождается. Бетховен жил после Моцарта, Стравинский после Чайковского... На самом деле одна эпоха проникает внутрь другой. Одно поколение сосуществует с другим: Бетховен жил в одно время с Моцартом, и Стравинский жил в одно время с Чайковским...

Великого венского мастера Антона Брукнера, благодаря его исключительной индивидуальности, можно считать композитором современным, и вот почему. Музыкальный язык Брукнера одновременно и очень прост, и очень сложен. Его простота сложна, как пропорции свода готического собора, а его сложность проста, потому что она — не плод выдумки, а результат естественного самовыражения. Кроме того, внутренний слух Брукнера был слухом провидца, слухом пророка. Он мыслит звуковыми категориями, свойственными двадцатому столетию. Его гармонии, его ритм, его чувство формы скорее принадлежат двадцатому веку, нежели девятнадцатому...

Не случайно при жизни композитора его симфонии почти не исполнялись. Знаменитый Венский филармонический оркестр завоевал себе печальную славу, отказавшись от исполнения Первой симфонии Брукнера по причине ее «дикости и неуклюжести». Вторую симфонию тот же оркестр отверг за «неисполнимость», несмотря на то, что она была очень высоко оценена Ференцем Листом. Когда же оркестр все-таки

«рискнул» исполнить сочинение Брукнера, он потерпел полнейшее фиаско, свершившееся не без помощи артистов. Некоторые из них успешно сочетали игру на инструменте со свистом и мяуканьем. В конце исполнения бедная публика поспешно бросилась к выходу, в зале осталось не более двадцати пяти музыкантов, упорно продолжавших аплодировать. Среди них был семнадцатилетний Густав Малер...

Эта милая история произошла с Третьей симфонией, о которой Рихард Вагнер сказал: «Я знаю только одного композитора бегоховского калибра — это Брукнер». Однако на протяжении десятков лет Брукнер не слышал своих сочинений, то есть он слышал их только «внутри себя», и эта мучительная беременность практически продолжалась всю его жизнь. Исполнения Пятой симфонии он ждал 18 лет, из Шестой симфонии при его жизни были исполнены только две части. Что и говорить — ситуация трагическая... Мне часто приходится встречаться с молодыми композиторами. И слышишь от них иной раз: «Я написал симфонию, закончил ее два месяца назад, и представьте себе, она до сих пор не исполнена и не записана на пластинку!» В такие моменты я всегда вспоминаю Брукнера.

Источником мучений была для композитора так называемая «помощь друзей». В чем она заключалась? В стремлении сделать творения Брукнера более «доступными», в «сглаживании острых углов» — вплоть до изменений в структуре симфонии, «исправление» гармоний, значительной переинструментовке партитур. Не пренебрегали при этом даже заменами одних инструментов другими и огромными купюрами. Его симфонии в то время казались чрезмерно длинными даже его близким друзьям, очень профессиональным и чутким музыкантам. Бесспорно, друзья Брукнера руководствовались в своих действиях самыми лучшими чувствами, но тем самым они лишали композитора его неповторимой индивидуальности, оригинальности мышления. Как все это похоже на историю взаимоотноше-

ний Мусоргского и Римского-Корсакова, который, как известно, из самых добрых побуждений создал свои редакции «Бориса Годунова» и «Хованщины», резко отличающиеся от авторских. Я вспоминаю, как во время своего визита в Москву И. Ф. Стравинский отправился в Большой театр и на следующий день поделился впечатлением, полученным от спектакля: «Очень хорошо, просто прекрасно, только это был не «Борис Годунов», а «Борис Глазунов!»..»

Друзья Брукнера основательно «подчистили» его симфонии. В особенности по части сокращений. А так как, искренне желая пропагандировать его музыку, они играли переименованные симфонии на двух роялях в различных музыкальных салонах, то присутствовавшие на «игрищах» критики выносили впечатлений от произведений по их жалким подобиям. А отсюда — непрекращающаяся травля композитора критиками, изощрившимися в остроумии и превратившими Брукнера в беспрестанно обстреливаемую мишень. Широко известен анекдотический факт: во время аудиенции у императора Франца Иосифа Брукнер обратился к нему с одной-единственной просьбой — оградить его от нападков критиков, на что император ответил отказом по причине невозможности давления на «свободную» австрийскую печать!

Брукнер был человеком очень мягким и чрезвычайно скромным. Уже в зрелом возрасте он просил своего друга Фридриха Клозе поискать и исправить запрещенные правила параллельные октавы в его партитурах. Когда Клозе сказал, что такие октавы можно найти и у Вагнера, Брукнер ответил: Вагнеру это можно простить, потому что Вагнер «мастер», а он, Брукнер, «ученик»... В то же время он был абсолютно уверен в будущем своей музыки и в правильном пути, по которому шел. В письме к дирижеру Феликсу Вайнгартнеру перед предполагаемым исполнением Восьмой симфонии мы читаем: «Я рекомендую вам сократить Финал, в его оригинальном виде он может исполняться значительно поз-

же...» За четыре года до смерти Брукнер поместил рукописные партитуры своих симфоний в Венскую Придворную библиотеку, а на пакете написал — «Для будущего».

Это «будущее» наступило только в 1927 году, когда Международное брукнеровское общество начало огромную работу по реставрации оригинальных партитур композитора. В России симфонии Брукнера стали исполняться в начале нашего века. Позднее некоторые из них появились в репертуаре ленинградских дирижеров Е. Мравинского, К. Элиасберга, Н. Рабиновича. В последнее время к творчеству Брукнера обратился Е. Светланов, неоднократно исполнявший в концертах и записавший на пластинку монументальную Восьмую симфонию. Однако многие симфонии Брукнера у нас в стране еще не исполнялись, да и надо учесть, что большинство из них существует в нескольких редакциях.

Мне всегда кажется очень полезным совершить некий исторический экскурс в то время, когда рождалось музыкальное произведение, например, ре-минорная симфония Брукнера, и посмотреть, что вообще тогда происходило в мире — как в области музыки, так и других искусств, а также в науке и политической жизни. Сопоставление таких данных часто приводит к любопытным и порой совершенно неожиданным результатам. Симфония, о которой я упоминал, была написана в период между 1863 и 1869 годами. В это время Мусоргский закончил «Бориса Годунова», а Оффенбах «Прекрасную Елену». Альфред Нобель изобрел динамит, по дну Атлантического океана проложили кабель. Роден создал «Человека с перебитым носом», а Эдуард Манэ — «Завтрак на траве». Карл Маркс заканчивает «Капитал», в США создается «Ку-клукс-клан»...

Русская литература о Брукнере небогата. Ему посвящено несколько брошюр и журнальных статей. Довольно точная характеристика была дана композитору Юрием Тыняновым, который писал: «Брукнер — проповедник из сельской церкви, где никто не торопится и можно говорить долго...»